ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ: СООТНОШЕНИЕ КУЛЬТУРНОЙ УНИКАЛЬНОСТИ И УНИВЕРСАЛИЗМА В РАЗВИТИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Часть вторая

В.А. Смоляков

В статье рассматривается вопрос о значении «азиатских ценностей» и конфуцианства для политического развития восточно-азиатских государств. Автор приходит к выводу, что фактор культуры надо рассматривать в связи с другими факторами – уровнем экономического и социального развития, зрелостью политических институтов, эффективностью государственного управления. Процессы демократизации в регионе будут развиваться медленно и волнообразно. Пути демократического транзита в разных странах будут зависеть от местных особенностей.

Ключевые слова: Восточная Азия, демократизация, модернизация, фактор культуры, конфуцианство, универсалистские тренды.

EASTERN ASIA: RELATIONSHIP OF CULTURAL UNIQUENESS AND UNIVERSALISM IN THE DEVELOPMENT OF POLITICAL SYSTEMS

(Part Two)

V.A. Smolyakov

This article considers the importance of "Asian values" and Confucianism for the political development of East Asian states. The author concludes that the cultural factor should be considered in connection with other factors - the level of economic and social development, the maturity of political institutions, and the efficiency of state governance. The processes of democratization in the region will develop slowly and wavily. The ways of transit to democracy in different countries will depend on local peculiarities.

Key words: East Asia, democratization, modernization, cultural factor, Confucianism, universalist trends.

Рассмотренный в предыдущей статье вопрос о соотношении культурной уникальности восточно-азиатского мира и глобальных универсалистских трендов имеет отношение не только к развитию экономики. Необычайный экономический рост, наблюдаемый в восточно-азиатских странах, поставил в центр внимания вопрос о роли политических механизмов и о политической специфике стран Восточной Азии. Культурологический подход утверждает, что духовные ценности обуславливают основополагающие схемы социальной организации, включая модели политических систем, а также формы и особенности международных отношений между странами с разными культурными типами. В соответствии с данным подходом в определённых пределах допустимо, а иногда и необходимо прибегать к дихотомическому упрощению ради проведения базовых сравнений [23]. Особую актуальность в последние десятилетия приобрело сопоставление культурных моделей, которые развивались на протяжении истории в раз-

ных концах мира: с одной стороны, это Синская модель Восточной Азии с Китаем в качестве ее культурного центра, а с другой – Западная, европейско-американская модель [23]. Проблема заключается в том, что, с одной стороны, культурологические сравнения предостерегают исследователя от недооценки культурных особенностей регионов. Но, с другой стороны, они иногда преуменьшают, а то и вовсе отрицают гомогенизирующие последствия глобализационных сил, а также общезначимый характер теорий политического развития регионов и международных отношений. В связи с этим интерес представляет вопрос о том, в какой степени и в каких формах глобальные тенденции преломляются через призму восточно-азиатской уникальности в сфере политического развития восточно-азиатских государств.

В порядке первого приближения следует отметить, что ведущая особенность политического развития восточно-азиатских стран в сравнении с другими регионами мира заключается в преобладании

Смоляков Владимир Александрович – доктор политических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук Хабаровского государственного университета экономики и права.

Smolyakov Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences at Khabarovsk State University of Economics and Law.

E-mail: smolyakov46@mail.ru

© Смоляков В.А., 2021

устойчивых авторитарных или гибридных режимов. А.А. Храмчишин, заместитель директора Института политического и военного анализа, отмечает несоответствие между успешным развитием экономики и отсутствием развитой демократии. Он пишет: «В давно ставшем первой экономикой мира Китае демократия даже не имитируется, аналогичная ситуация в стремительно растущем Вьетнаме. Чисто имитационной является демократия в других "азиатских тиграх" – Индонезии, Малайзии, Таиланде и Сингапуре (здесь с автором трудно согласиться, поскольку общепризнано, что в Малайзии – гибридный режим, а в Таиланде и Сингапуре не демократии, а полуавторитарные режимы. – В.С.). Особенно показателен Сингапур... По уровню жизни, по экономической конкурентоспособности, по внедрению новейших технологий, по почти полному отсутствию преступности и коррупции он находится на вершинах мировых рейтингов.... (однако) по развитию демократии сильно отстает от очень многих стран Африки» [4]. По данным исследовательского центра Пью, по состоянию на конец 2017 г. из 167 стран с населением не менее 500 тыс. человек каких-либо демократий в мире было 96, что составляет 57 % от общего числа стран. По этим же данным, только в 21 стране (13 %) были автократии, в остальных сорока шести странах (28 %) существуют гибридные режимы, объединяющие элементы как демократии, так и автократии [22]. Восточная Азия на общем фоне выглядит более авторитарной. Демократии в этом регионе мира составляют менее трети (31 %) среди шестнадцати стран региона. Сравнительный анализ, основанный на подсчете индексов, полученных в результате опросов экспертов, свидетельствует, что среди всех регионов мира Восточная Азия по степени авторитарности уступает только странам «исламского ядра» (Большого Ближнего Востока и Центральной Азии) [3]. Уникальность Восточной Азии видится также в том, что здесь сохраняются коммунистические режимы, которые в остальной части мира были демонтированы (единственным исключением является Куба). Сохраняется, несмотря на ветер перемен, тоталитаризм в Северной Корее. Во Вьетнаме, Китае и Лаосе рыночная экономика совмещается с де-факто однопартийными коммунистическими авторитарными режимами. Юго-Восточная Азия характеризуется большим разнообразием режимов и форм правления – от дефектной демократии в республике Филиппины до абсолютной теократической (с признаками тоталитарности) монархии в Брунее [3: с. 71–126]. Данный субрегион отличается преобладанием электоральных авторитаризмов (гибридных режимов). Сингапур, например, управлялся Народной партией действия с момента обретения независимости под руководством Ли

Куан Ю весь период между 1959 и 1990 гг. Эта же партия остаётся у власти и в настоящее время.

Дальнейшее развитие модернизации ставит на повестку дня вопрос о предпосылках и перспективах демократизации политической жизни в странах Восточной Азии. В этом плане одна из особенностей Восточной Азии состоит в том, что появившиеся на волне демократизации в конце 1980-х гг. демократические режимы в Южной Корее, Тайване, Индонезии и Монголии остаются не вполне зрелыми или глубоко укоренившимися. Государство в Восточной Азии контролирует различные формы жизнедеятельности, оставляя лишь ограниченное пространство для гражданского общества. Сильное правительство, наделенное ответственностью за удовлетворение коллективных потребностей, отсутствие распространённых на Западе либерально-демократических практик и долговечность политических элит являются нормой жизни восточно-азиатских социумов. Р. Роуз и Доу Чул Шинь пишут по этому поводу: «...неспособность почти двух третей восточно-азиатских стран стать и оставаться демократическими, по-видимому, более решительно поддерживает предварительное утверждение о том, что демократия не подходит для любого типа общества...» [26: р. 332]. В корреляции с политическим застоём находится и социальная сфера. В последние два десятилетия в Тихоокеанской Азии неравенство увеличилось на 42 процентных пункта. Причем темпы его роста превышают аналогичные темпы в Африке и Латинской Америке [22].

После поражения 1945 г. и временной оккупации Япония первой из стран Азии вступила на путь демократизации. Однако доминирующее положение в партийной системе страны с 1950-х гг. занимает Либерально-демократическая партия Японии, а оппозиционные партии остаются слабыми и нестабильными [2: с. 152–159]. Эксперты центра Пью (Pew Research Center) полагают, что «нынешняя эпоха стабильности» в Японии является результатом «фрагментированной и ослабленной оппозиции», а для японского политического процесса типичны «апатия избирателей, умеренная межпартийная конкуренция и ослабление каналов подотчетности» [11]. О существенных различиях между политической культурой стран региона, с одной стороны, и западной демократической культурой – с другой, можно судить по отношению граждан к основным институтам демократии (свобода совести, слова, СМИ и т.д.). Как явствует из данных, приводимых экспертами Фордом и Р. Хаасе, если принцип свободы для оппозиционной деятельности в Австралии поддерживают 63 % граждан, то в Японии – только 40 %, а в Индонезии – 24 %. Насколько лучше выглядят в этом ряду Филиппины (54 %) и Южная Корея (51 %). В политической

жизни стран региона эксперты отмечают такие негативные тенденции, как элитарная коррупция, углубление внутренней поляризации, усиление расовой и этнической напряженности, ограничение пространства для гражданского общества, а также укоренение «недемократических практик» и проявления популизма в Индонезии (Джоко Видодо – «Джокови») и на Филиппинах (Родриго Дутерте) [11]. Так что следует признать, что восточно-азиатские демократии отличаются от несколько приукрашенного западного демократического идеала [14; 17: р. 40]. К тому же опыт Камбоджи, Мьянмы, Филиппин и Таиланда демонстрирует возможность движения вспять от достигнутых демократических рубежей. Если суммировать особый, «азиатский стиль демократии», то можно выделить следующие его черты: во-первых, отсутствуют четкие разделения между публичной и частной сферами, между официальными и неформальными отношениями, что является проявлением свойств конфуцианской политической культуры; во-вторых, в отличие от западных плюралистических демократий политическая власть в Восточной Азии является моноцентричной, а не диффузной; в-третьих, политика с учётом отдельных исключений остаётся, несмотря на появление демократических институтов, чрезмерно персонифицированной; в-третьих, демократия ограничивается существованием партийных систем с одной доминирующей либо даже гегемонистской партией, а также закрытыми от общественности неформальными связями между политическими, бюрократическими, экономическими и военными элитами; в-четвёртых, большую роль в социальных связях и политике играет клиентелизм (отношения патрон–клиент); в-пятых, всюду в регионе наблюдается дефицит публичной состязательности при доминировании неформальных внутриэлитных сделок; в-шестых, в идейно-политическом спектре либо совсем отсутствуют, либо крайне слабы левоцентристские или левые партии (как либеральные, так и социал-демократические); в-седьмых, структуры гражданского общества в странах региона недостаточно развиты и не имеют между собой сложившихся транснациональных связей. Последнее обстоятельство отрицательно сказывается и на процессе регионализации Восточной Азии.

В поисках ответа на вопрос об источниках дефицита демократической культуры в Восточной Азии значительная часть специалистов в области политической социологии занялась исследованием двух главных вопросов: во-первых, в какой степени функционирование политических институтов в странах Восточной Азии связано с особенностями её политической культуры и, во-вторых, способна ли эта культура изменяться под влиянием модернизации? На этот счет в политической науке имеются

разные мнения. Популярная либеральная точка зрения состоит в том, что индустриализация, урбанизация и рост образованности в конечном счете ведут к росту среднего класса, размыванию культурных различий, разрушению традиционных ценностей и институтов. Естественным следствием «модернизации» становится демократизация. Этот тезис подкрепляется тем фактом, что Монголия, Южная Корея, Тайвань и Индонезия в течение длительного времени управлялись военными хунтами или имели однопартийный режим. Правительства в этих странах препятствовали политической либерализации. Но в то же время они парадоксальным образом способствовали созданию её правовых, экономических, социальных и культурных предпосылок путём укрепления авторитарной политико-правовой стабильности. Эти авторитарные режимы были настроены на конкурентную борьбу и развитие экспорта. Решая данную сверхзадачу, они властно подавляли идущие снизу социальные требования и ограждали управленческие элиты от политического давления. Заметим, что было бы неправильно приписывать всем авторитарным режимам большую эффективность по сравнению с демократиями. В современном мире есть немало диктатур в Африке, Азии и Латинской Америке, но они, в отличие от «государств развития» Восточной Азии, характеризуются беззаконием, высокой степенью коррупции и неэффективным управлением. Следует отметить, что уникальная культура стран Восточной Азии обусловила редкий синтез авторитаризма, с одной стороны, и правовых гарантий бизнесу – с другой. В связи с этим явлением в научной литературе по вопросам развития Восточной Азии в конце 1990-х гг. даже появилось специальное понятие – *нелиберальная демократия* (illiberal democracy), выдвинутое канадским политологом, ныне работающим в университете Цинхуа в Пекине, Д. Беллом и его коллегами, а затем развитое в работах Ф. Закарии и др. [8, р. 147–169; 1; 32: р. 22–43]. Аналогичный взгляд высказывают политологи Р. Роуз и Доу Чул Шинь: «...устойчивый нелиберальный способ демократического управления во всех оставшихся демократических странах Восточной Азии поддерживает утверждение о том, что введение демократии до создания современных политических институтов, таких как верховенство права и многочисленные группы гражданского общества, способно привести только лишь к неполной демократии» [26: р. 333]. Таким образом, страны региона двигались схожими путями: сначала создавались предпосылки для развития капитализма посредством постепенного укрепления минимума гражданских прав и свобод, необходимых для функционирования рынка, а затем на этой базе начинался демократический транзит.

Подводя итог сказанному выше, поставим вопрос: обязательно ли экономический рост ведёт к демократизации режимов? Однозначного ответа на этот вопрос нет. То обстоятельство, что демократические институты создавались в Азии после прохождения государствами стадии экономической модернизации, казалось бы, подтверждает данную точку зрения. Крупный исследователь этой проблемы, цитировавшийся выше Шинь, пишет: «Вопреки теории модернизации, которая утверждает, что демократия является экономически обусловленной, демократия, например, расцвела в одной из беднейших стран мира (Монголия). Вопреки представлению о том, что демократия требует иудео-христианской или либеральной политической культуры, она успешно зародилась и в буддийских (Монголия и Таиланд), конфуцианских (Южная Корея и Тайвань) и мусульманских (Индонезия) странах» [27: р. 164]. В то же время имеющиеся факты свидетельствуют о том, что многие страны региона, добившись успешной экономической модернизации, продолжают оставаться под властью авторитарных режимов. Поэтому, как представляется, в методологическом отношении зафиксированная выше корреляция не означает, что всегда должна существовать прямая причинно-следственная связь между экономикой и политическим развитием.

Хотя большинство политологов согласны с тезисом о том, что граждане Восточной Азии не испытывают сильной приверженности к демократии, академическое сообщество так и не пришло к единому мнению относительно причины этого явления. Ни одна из существующих на сегодняшний день теорий не даёт сколько-нибудь полного объяснения тому факту, что весьма значительная доля жителей Восточной Азии не проявляет сильной приверженности к демократической системе правления. Так, определённая часть политологов пытаются объяснить отмеченные выше особенности политического развития общими для всех народов Большой Восточной Азии чертами культуры, которая отдаёт предпочтение иерархии, гармонии, консенсусу и избеганию конфронтации. В связи с этим теория модернизации подвергается критике сторонниками парадигмы, которую иногда определяют (в соответствии с её ведущим методологическим аргументом) как «культурный детерминизм». Крупный исследователь восточно-азиатской политической культуры Люсиан Пай пишет, что восточно-азиатские общества, столкнувшись с задачей создания современных национальных государств, обычно реагируют на это формированием патерналистских форм власти, которые удовлетворяют их глубокую психологическую потребность в чувстве защищённости. Эта тяга к патернализму может показаться признаком авторитарной полити-

ческой культуры, но Пай утверждает, что она обеспечивает важную в жизни обычного человека социальную солидарность и групповую лояльность. В качестве вывода он пишет: «...мой тезис состоит в том, что любая политическая власть в высшей степени чувствительна к культурным нюансам и что, следовательно, культурные вариации имеют решающее значение в определении направления политического развития... Азиатские народы исторически всегда обладали богатым разнообразием концепций власти. Однако у всех у них общим знаменателем является идеализация благосклонного, патерналистского лидерства и легитимация подвластности» [24: р. 4–5].

В 1990-е гг., в ответ на призывы Запада к демократизации политической жизни в азиатских странах, была выдвинута концепция особых «азиатских ценностей». Большинство исследователей считают, что укоренившиеся в странах региона «азиатские ценности», по крайней мере, определённый набор ценностей, связанных с политической властью, действительно влияют на поддержку режима, поскольку усиливают принятие статус-кво, и сохранение недемократического режима. В частности, эта концепция побудила некоторых восточно-азиатских лидеров, таких как бывшие премьер-министры Сингапура Ли Куан Ю и Малайзии Махатхир Мохамад, выдвинуть модель авторитарного правления под названием «Азиатская демократия» [17: р. 40; 19; 18; 2]. Ставя мир и процветание общества выше прав и свобод его отдельных граждан, эти деятели отстаивали восточно-азиатскую модель, представляя её в качестве основанного на групповой солидарности благожелательного или мягкого авторитарного правления и противопоставляли её западной либеральной демократии, основанной на ценностях индивидуализма и плюрализма. Приводимый ниже сводный список «азиатских ценностей», противопоставляемых западной политической культуре, как представляется, с тех пор несколько не устарел. Он включает в себя следующие черты: 1) нерасчленённость частной жизни и публичных ролей; 2) подчинённость и преданность индивида группе вместо личностной автономии и индивидуализма; 3) ценность гармонии, предпочтение стабильности и консенсуса конфронтации и оппозиционности; 4) коллективизм и коммунитаризм стоят выше политического плюрализма; 5) приоритетность социально-экономических прав и благосостояния перед гражданскими и политическими свободами; 6) лояльность и почтение в отношении всех форм авторитета, включая родителей, учителей и правительство [29: р. 19–23]. Многие политологи признают, что особые азиатские ценности, отличные от западных, действительно существуют, и они оказывают влияние на

отношение к существующему политическому порядку, поскольку обеспечивают принятие статус-кво. Исходя из этой посылки, они пишут об «особой восточно-азиатской политической системе» и утверждают, что даже полиархические институты в Азии функционируют не так, как на Западе, поскольку слишком существенны различия между культурами, сформировавшимися под влиянием конфуцианства, и культурами, сформированными западным индивидуализмом. Согласно регулярно проводимым Азиатским барометром (ABS) опросам в странах региона значительной поддержкой пользуются идеи сильного правительства, социального консерватизма и в то же время свободной рыночной экономики [6]. Очевидно, что в политическом плане это может вести к ужесточению государственной власти в интересах «общего блага» и формированию покорного населения, которое принимает официальную иерархию как оправданную древней традицией. Нелиберальные культурные ценности коллективизма, иерархизма и конформизма, укоренившиеся в массовом сознании и поведенческих паттернах восточно-азиатских народов, создают культурную матрицу для функционирования политических институтов и препятствуют формированию демократической культуры [9: р. 143–154].

Подводя итог изложенным выше культурологическим аргументам, можно выделить следующие общие черты, реально присущие восточно-азиатским политическим системам.

1. Они всегда организованы в большей степени вокруг экономических, нежели политических целей; их главная задача – содействовать экономическому росту и благосостоянию, а не расширять тот круг индивидуальных прав и свобод, который является нормой жизни на Западе.

2. В этих системах укоренена идея «сильного» правительства и вошло в традицию уважение к государству.

3. Руководитель (или лидер) здесь в принципе пользуется почитанием в духе конфуцианской традиции лояльности, дисциплины и долга. В связи с этим можно отметить, что в этом плане следует рассматривать и решение КПК о снятии ограничений на занятие Си Цзиньпином должностей руководителя партии и государства. А вот на западный взгляд в этом можно усмотреть какие-то скрытые, а то и открытые, тенденции к авторитаризму.

4. Наконец, в восточно-азиатских обществах существует связь между иерархическими паттернами социетальных структур и авторитарным политическим строем. Центральным элементом социума является семья, в которой формируется почтительное отношение к авторитету и «групповое мышление» с его закрытостью в отношении таких

принципов, как автономия личности, права человека и соперничество в их западном понимании.

В поисках ответа на вопрос об источниках недоразвития демократической культуры в странах Восточной Азии все большее число политологов и социологов обращаются к конфуцианскому культурному наследию региона [12: р. 18–33; 28: р. 143–160]. Конфуцианство или его современную версию – постконфуцианство многие авторы определяют как этическую систему, которая делает основной упор на «семейную преданность, социальную иерархию и социальную гармонию». Эти три нормы лежат в основе «пяти правильных отношений», которые являются общепризнанной основой конфуцианства [10]. Не лишним будет заметить, что конфуцианство было бы ошибочно напрямую отождествлять с более широким и немного устаревшим понятием «азиатские ценности». Как было отмечено в предыдущей статье, конфуцианство не имеет общепризнанного влияния во всех странах Большой Восточной Азии. Однако оно защищает отвечающие традиционным ценностям почти всех народов региона этические нормы социальных отношений, которые предполагают признание иерархии, необходимость социальной гармонии и компромисса, уважения и почтения к семье, а также благожелательности в отношениях между правительством и народом [21; 10: р. 143–154]. Главным аргументом, обосновывающим непреходящее значение конфуцианства для объяснения особенностей политических систем Восточной Азии, является признание уникальности Китая. Люсиан Пай в одной из своих работ высказал парадоксальный тезис о том, что Китай – это «цивилизация, притворяющаяся государством» [25: р. 1161]. На этой почве появилась концепция «конфуцианской демократии», которая якобы самой историей предназначена быть отличной от либерального политического устройства. Упомянувшийся выше политолог Д.А. Белл, исходя из предположения, что Китай представляет собой отличающуюся от других стран «модель правления», которую нельзя причислить ни к либеральной демократии, ни к авторитаризму, разработал теорию «политической меритократии» – «оптимального гибрида демократии и меритократии». В книге «Китайская модель: политическая меритократия и пределы демократии» (2015) Белл утверждает, что модель демократической меритократии, которая представляет собой меритократию наверху, экспериментирование в середине и демократию внизу, способна служить примером для остального мира. Меритократия в китайском стиле является морально легитимным способом отбора и расстановки отличающихся выдающимися способностями и верностью долгу, «доблестью» (virtue) руководителей высшего уровня государственного управления.

По мнению Д.А. Белла, этот метод эффективнее зависящих от предпочтений электората либерально-демократических правительств. Данная модель, считает Д.А. Белл, находится в гармонии с китайской историей, учением Конфуция, культурой, а также накопленным Китаем и Сингапуром политическим опытом [7]. Однако основанная на предположении, что правление не обязательно должно полностью базироваться на народном выборе, теория «политической меритократии» была подвергнута критике за недостаточную эмпирическую обоснованность и откровенный элитаризм. В качестве примера такой критики можно рассмотреть теоретические доводы, изложенные в монографии Сун Мун Кима «Конфуцианская демократия в Восточной Азии: теория и практика» (2014), автор которой выдвигает следующее возражение: концепция меритократии основана на циничной трактовке человеческой природы и, следовательно, способности граждан мудро выбирать своих лидеров [16: р. 85]. С. Ким согласен с тем, что «граждане Восточной Азии, исторически конфуцианских стран все еще глубоко пропитаны конфуцианскими привычками и нравами» [16: р. 4]. В связи с этим он рассматривает вопрос: соответствует ли демократия культурному контексту Восточной Азии и совместима ли она с ним? С.М. Ким заявляет, что на поставленный им вопрос уже дан утвердительный ответ самим фактом существования демократических режимов в Южной Корее и на Тайване. Однако Ким не ограничивается простой констатацией и переносит плоскость дебатов на обсуждение темы об «особом режиме конфуцианской демократии», подходящем для Восточной Азии [16: р. 247]. Речь у него идет о том, какая форма демократии действует, будет действовать и должна действовать в Восточной Азии. По мнению Кима, либерализм или, по крайней мере, «либеральный дискурс и либерально-демократические институты» [16: р. 10] не должны применяться в Восточной Азии так же, как на Западе, а демократия должна соответствовать социальной и политической культуре региона. Свою теорию Ким иллюстрирует, ссылаясь на пример Южной Кореи. По словам Кима, «...чрезвычайная жизнеспособность корейского демократического гражданского общества может быть объяснена с точки зрения социальной практики *chŏng*, семейных ласковых чувств корейцев и особой гражданской добродетели – то, что я называю "*ugi* (мы)-ответственностью», – которую она порождает» [16: р. 207]. Оценки С. Кима представляются небезосновательными в свете проведенных в 2019 г. службой Пью опросов, которые показывают, что граждане Южной Кореи (в отличие от большинства других стран) в основном удовлетворены тем, как функционирует демократия в их государстве. Если соглас-

но полученным в 27 странах результатам доля граждан, недовольных тем, как демократия работает в их стране, после 2017 г. оказалась на уровне 51 процента (и только 45 процентов были удовлетворены), то в Южной Корее (несмотря на коррупционный скандал, импичмент президента Пак) обнаружилась противоположная тенденция: доля недовольных здесь снизилась с 69 до 35 % [30].

Критика концепции исключительности восточно-азиатской культуры и концепции особого, «азиатского стиля демократии» развивается по нескольким направлениям. Во-первых, этим идеям противопоставляются как теоретические рассуждения, так и конкретные социологические исследования, которые указывают на то, что «культуры не являются статичными сущностями..., они изменяются на протяжении истории – внутрикультурно и межкультурно – и поэтому являются динамичными. Они также допускают значительные различия внутри самих себя» [23]. Конфуцианство, как и любые другие политические культуры, меняется. Политический социолог Шинь, основываясь на разработанной им шкале приверженности «патерналистской меритократии», приходит к выводу, что ценности индивидов, как и больших групп населения, со временем меняются. «Традиционные ценности преобладают среди азиатов старшего возраста, менее образованных и имеющих более низкий доход, т.е. тех, кто в меньшей степени подвержены влиянию идей, технологий и экономической деятельности, которые всё больше определяют современную жизнь в развитом и развивающемся мире» [6]. Признавая, что в Восточной Азии, как и в других регионах планеты, действуют факторы, ведущие к универсализации, мы не должны упускать из виду, что признание динамики культур не должно приводить нас к другой крайности, а именно – к мультикультуралистскому утверждению о принципиальной гибридности всех культур. Уже цитировавшийся выше культуролог Карл-Хайнц Поль пишет: «В противовес этой модной точке зрения я хочу подчеркнуть медлительность процессов культурных изменений – или инертность» [23]. Во-вторых, экономическая модернизация подрывает роль традиционной политической культуры в легитимации недемократических режимов, а граждане становятся все более критичными к политической власти. Рационалистический момент в политических взглядах жителей Восточной Азии обнаруживается, в частности, в том, что они оценивают свои правительства не на «входе» (т.е. руководствуясь своими ожиданиями или культурными предрасположенностями), а на «выходе», т.е. по результатам их деятельности. Благополучие, коррупция, социальное равенство-неравенство – вот главные критерии оценки. Исходя из полученных результатов, иссле-

дователи приходят к выводу, что основной фактор легитимности и устойчивости авторитарных режимов таится в эффективном государственном управлении. А роль традиционных ценностей, хотя и не исключается, но остаётся вторичной. В-третьих, политические культуры, в том числе и конфуцианство, могут выступать не только в качестве матриц, формирующих паттерны поведения и политические институты. Ценности и нормы сами по себе являются объектом воздействия и модифицируются в интересах как авторитарных, так и демократических режимов. Джоэл С. Фетцер и Дж. Кристофер Сопер, опираясь на результаты опросов, проведённых в четырёх восточно-азиатских государствах, пишут: «Хотя авторитарные режимы нашли и продолжают находить много ресурсов в конфуцианстве для поддержки своего правления, сегодняшние либерально-демократические государства в Восточной Азии начали создавать пространство для развития действительно независимого конфуцианства, которое либо политически "нейтрально" или даже поддерживает демократию и человеческое достоинство» [10]. Эти же авторы в другой работе отмечают, что уровень поддержки такой характерной переменной, как «социальная иерархия», под влиянием «эффекта демократизации» за пять лет снизилась на 30 процентов в демократической Южной Корее, на Тайване и даже в полуавторитарном Сингапуре [9: р. 143–154]. Полученные Азиатским барометром результаты опросов показывают, что конфуцианство хотя и поддерживает социальный консерватизм, но все же может вполне успешно сосуществовать с демократическими порядками и институтами. Более того, многочисленными исследованиями и наблюдениями подтверждается утверждение, что в самой природе конфуцианства заложен рационализм и терпимость к иному. На известной карте мировых культур Р. Инглхарта и его коллег конфуцианство по уровню рациональности и стремления личности к самовыражению находится в верхней части шкалы, выше ислама, католицизма и православия [13].

Итак, имеет ли культурная уникальность значение для политического развития восточно-азиатских государств? А также является ли подход к политической культуре, придающий этому фактору политического развития обществ определяющее значение, более оправданным, чем институциональный или политико-экономический подход к пониманию проблем демократизации в Восточной Азии? Представляется, что фактор культуры надо рассматривать в комплексе с другими факторами – уровнем экономического и социального развития, зрелостью политических институтов, эффективностью государственного управления. При этом ни одному из этих факторов не следует придавать

первенствующую роль в сложном процессе социально-политического развития восточно-азиатских обществ. Иначе говоря, ключом к пониманию такого сложного явления, как политическое развитие и демократизация, является системный подход как оптимальный метод исследования любого сложного явления, имеющего несколько измерений, который связывает как институциональные, так и экономические и (или) культурные аспекты. Гипотезы и «азиатских ценностей», и «конфуцианской демократии» неверны в своем самом важном утверждении, согласно которому демократия не может возникнуть и работать в Восточной Азии, а сам по себе культурный фактор якобы является непреодолимым препятствием на пути политической модернизации. Но и противоположный аргумент, согласно которому модернизация автоматически приведёт к демонтажу авторитарных режимов, также представляется необоснованным. Необходимо принять во внимание и то обстоятельство, что консервации восточно-азиатских авторитарных и гибридных режимов будут способствовать не только внутренние, но и внешние факторы. Речь идёт уже не о «продвижении демократии» в Азию Соединёнными Штатами и другими западными странами. На современном этапе мирового развития всё больше проявляет себя тенденция к некоторому ослаблению влияния Запада, а демократия теряет популярность даже в тех странах, где еще недавно казалась особенно устойчивой. В статье политолога Кристофера Клаасена, опубликованной в журнале «Обзор американской политологии» (сентябрь 2019) заостряется внимание на следующем: несмотря на то, что демократических стран становится все больше, в западных странах удовлетворение самим политическим строем, судя по опросам, снижается. В то же время растет запрос на популистскую альтернативу [15]. Представляется, что в настоящее время государства Юго-Восточной Азии оказались в ситуации выбора: с одной стороны, происходит ослабление идущего с Запада демократического импульса, а с другой – растёт влияние Китая, который бросает Западу вызов не только экономический, но и вызов ценностный. В этой ситуации немалое значение будет иметь «мягкая сила» – заразительный пример китайской модели правления (которая, по мнению большинства политологов, является «авторитаризмом», но с точки зрения других авторов, – «политической меритократией»). Этот вызов нацелен против институциональных основ функционирования «западной либерально-демократической модели», – пишет директор Института научной информации АОН Китая, профессор Чжан Шухуа [5: с. 99].

Таким образом, из всего изложенного выше можно сделать следующий вывод: по всей вероят-

ности, не следует ожидать, что в скором времени в западной части тихоокеанского побережья будут ликвидированы авторитарные и гибридные режимы, а вместо них скоро появятся полные демократии. И всё же совокупность взаимодействующих между собой социально-экономических и культурных факторов будет работать против них. По всей вероятности, в этом регионе экономического прогресса процессы демократизации также будут развиваться, но медленно и волнообразно. А конкретные эволюционные пути, по которым пойдут различные страны, будут зависеть от местных особенностей и условий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закария, Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / Ф. Закария. – Москва : Ладомир, 2004. – 383 с.
2. Смоляков, В.А. Особенности и эволюция партийной системы Японии / В.А. Смоляков // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2014. – № 1. – С. 152–159.
3. Смоляков, В.А. Политическое развитие стран Восточной Азии / В.А. Смоляков, Т.И. Захарова. – Хабаровск, 2016. – 208 с.
4. Храмчишин, А.А. Станет ли Москва младшим братом Пекина. Какое место в «единой судьбе человечества» готовят России лидеры Поднебесной / А.А. Храмчишин // Независимая газета. – 2018. – 29 июня.
5. Шухуа, Чжан. Перемены в мировой политике и новая эпоха Китая / Чжан Шухуа // Проблемы Дальнего Востока. – 2018. – № 3. – С. 96–108.
6. Asian Barometer // A Comparative Survey of Democracy, Governance and Development: Working Paper Series, Jointly Published by Globalbarometer. – Working Paper Series. – 2015. – № 64.
7. Bell, D.A. The China Model: Political Meritocracy and the Limits of Democracy / D.A. Bell. – Princeton, NJ : Princeton University Press, 2015. – xii+318 p.
8. Bell, D.A. Towards Illiberal Democracy in Pacific Asia. Class Culture in Pacific Asia / D.A. Bell, D. Brown, K. Jayasuriya, D. Jones (eds) // Comparative Politics. – 1998. – Vol. 30, № 2. – P. 147–169.
9. Fetzer, J.S. The Effect of Confucian Values on Support for Democracy and Human Rights in Taiwan / J.S. Fetzer, J.C. Soper // Taiwan Journal of Democracy. – 2007. – Vol. 3, № 1, (July) – P. 143–154.
10. Fetzer, J.S. Confucianism and Democratization in East Asia / J.S. Fetzer, J.C. Soper // APSA 2010 Annual Meeting Paper. – 2010. – July 22. – URL: <https://ssrn.com/abstract=1644476> (accessed: 10.10.2020).
11. Ford, L.W. Democracy in Asia Brookings institute / L.W. Ford, R. Haase. – 2021. – January 22.
12. He, B. Four Models of the Relationship between Confucianism and Democracy/ B. He // Journal of Chinese Philosophy. – 2010. – Vol. 37, № 1. – P. 18–33.
13. Inglehart, R. Modernization, Cultural Change and Democracy / R. Inglehart, C. Welzel. – New York : Cambridge University Press, 2005. – 333 p.
14. Inoguchi, T. Asian Style Democracy / T. Inoguchi // Paper presented paper presented at the United Nations University Conference on the Changing Nature of Democracy, St. Anthony's College, Oxford University. – 1996. – July.
15. Klaasen, C. In the Mood for Democracy? Democratic Support as Thermostatic Opinion / C. Klaasen // American Political Science Review. – 2019. – Vol. 114, Is. 1 (September). – URL: <https://www.cambridge.org/core/journals/american-political-science-review/article/in-the-mood-for-democracy-democratic-support-as-thermostatic-opinion/> (accessed: 04.11.2020).
16. Kim, Sungmoon. Confucian Democracy in East Asia: Theory and Practice / Kim Sungmoon. – Cambridge University Press, 2014. – 321 p.
17. Lawson, S. Politics and Cultural Myths: Democracy Asian Style versus the West/ Stephanie Lawson / S. Lawson // The Asia-Pacific Magazine. – 1996. – June. – P. 1–43.
18. Lee Kuan Yew. Society vs. the Individual / Lee Kuan Yew // Time. – 1993. – 14 June.
19. Mahathir bin Mohamad. No Freedom without Responsibility / Mahathir bin Mohamad // New Straits Times. – 1995. – 20 May.
20. Norris, P. Democratic Deficit: Critical Citizens Revisited / P. Norris. – New York : Oxford University Press, 2011. – 327 p.
21. Oldstone-Moore, J. Understanding Confucianism / J. Oldstone-Moore. – London : Duncan Baird Publishers, 2003. – 112 p.
22. Pew Research Center. – 2019. – April 29. – URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/05/14/more-than-half-of-countries-are-democratic/>. (accessed: 10.10.2020).
23. Pohl, Karl-Heinz. Chinese and Western Values: Reflections on the Methodology of a Cross-Cultural Dialogue / Karl-Heinz Pohl // Age of Globalization. – 2013. – № 3. – URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/158040/> (accessed: 14.11.2020).
24. Pye, L. Political Culture and Political Development / L. Pye, co-Editor and co-author // Studies in Political Development. – Princeton : Princeton University Press, 1965. – Vol. 5. – P. 4–5.
25. Pye, L. Social Science Theories in Search of Chinese Realities / L. Pye // The China Quarterly. – 1992. – № 132 (December). – P. 1161–1170.
26. Rose, R. Democratization Backwards: The Problem of Third-Wave Democracies / Richard Rose, Doh Chull Shin // British Journal of Political Science. – 2001. – Vol. 31, № 2. – P. 331–354.
27. Shin, D.C. The Third Wave in East Asia Comparative and Dynamic Perspectives / Doh Chull Shin // Taiwan Journal of Democracy. – 2009. – Vol. 4, № 2. – P. 91–173.
28. Spina, N. Confucianism and Democracy: A Review of Opposing Conceptualizations / Nicholas Spina, Doh C. Shin, and Dana Cha // Japanese Journal of Political Science. – 2011. – Vol. 12, № 1. – P. 143–160.
29. Subramaniam, S. The Asian Values Debate: Implications for the Spread of liberal Democracy / Surain Subramaniam // Asian Affairs An American Review. – 2000. – March. – P. 19–23.
30. Wike, R. Many across the globe are dissatisfied of democracy is working / R. Wike, L. Silver, A. Castillo // Pew Research Center. – 2019. – April 29. – URL: <https://www.pewresearch.org/global/2019/04/29/dissatisfaction-with-performance-of-democracy-is-common-in-many-nations/> (accessed: 12.04.2020).
31. Zakaria, F. Culture Is Destiny: A Conversation with Lee Kuan Yew / F. Zakaria // Foreign Affairs. – 1994. – Vol. 73, № 2.
32. Zakaria, F. The Rise of Illiberal Democracy / F. Zakaria // Foreign Affairs. – 1997. – Vol. 76, № 6. – P. 22–43.